

Миры между

ЛАБИРИНТ

Я

ВАСИЛЬ ПИКСЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КНИГА 6

Миры между

Василь Пиксель

Миры между. Лабиринт Я. Книга 6

«Автор»

2026

Пиксель В.

Миры между. Лабиринт Я. Книга 6 / В. Пиксель — «Автор»,
2026 — (Миры между)

В лабиринте естественно искать выход. Запоминать повороты. Оставлять отметки. Возвращаться к знакомым местам. Пытаться понять, существует ли правильное направление и что именно нужно сделать, чтобы наконец его увидеть. Но есть вопросы, от которых невозможно уйти по другому коридору. Собственные привычки, страхи и желания человек приносит с собой куда угодно. «Лабиринт Я» шестая книга цикла «Миры между». Книга о границе между любовью и потребностью быть необходимым, и о дороге к себе, которую нельзя пройти за другого.

Содержание

ЧАСТЬ I. КАССИАН	6
Глава 1. Один	6
Глава 2. Где Сайа	10
Глава 3. Та, которую надо найти	14
Глава 4. Полезный	20
Глава 5. Человек у окна	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Василь Пиксель

Миры между. Лабиринт Я. Книга 6

Василь Пиксель

«Миры между»

Книга 6. «Лабиринт Я»

ЧАСТЬ I. КАССИАН

Глава 1. Один

Кассиан прошёл через третью дверь, не обернувшись. Холод ручки ещё оставался в ладони, когда он сделал несколько шагов по коридору и остановился. Под ногами был ровный пол, у серых стен тянулась полоса тёмной краски; сверху падал свет, от которого хотелось прищуриться. Влажная кожа у висков быстро остывала. Он слышал своё дыхание и за ним, глубже, негромкий гул, похожий на работу вентиляции. Других звуков не было.

Он знал, что должен идти. Сайа попросила не ждать сразу за дверью, и он согласился, понимая её просьбу до конца. Последние недели они прожили рядом с возможностью разойтись, позволили ей стать настоящей, а теперь ему предстояло отнести это понимание хотя бы на несколько шагов дальше порога. Он назвал свой выбор и ушёл. За спиной Сайа могла ещё стоять в центре комнаты, могла сесть у стены, могла уже коснуться одной из ручек. Кассиан старался не представлять её руку и всё-таки представлял: как пальцы ложатся на холодный металл, как она медлит перед нажимом.

Он начал считать, сам не решив, зачем. Примерно на пятидесяти повернулся. Там, где должна была находиться дверь, коридор продолжался ещё метров на двадцать и уходил за угол. Справа и слева стояли одинаковые стены. На одной, чуть выше его плеча, виднелась вмятина, словно когда-то сюда заносили громоздкий шкаф и ударили углом. Под ней краска была целой. Ни ручки, ни шва, ни участка другого оттенка Кассиан не увидел.

Он вернулся, сначала медленно, оглядывая пол. Дверь исчезла – это ещё ничего не говорило о Сайе. На их пути пространства уже складывались так, что всякое поспешное объяснение устаревало раньше, чем его успевали произнести. Он провёл ладонью по стене примерно там, где помнил порог. Шероховатая краска холодила пальцы. Постучал костяшками, отступил на полшага и постучал снова; звук был плотным, одинаковым. В нескольких метрах от него тускло поблёскивали другие двери, но ни одна не стояла там, откуда он пришёл.

– Сайа?

Имя вернулось с двух сторон, потеряв последние звуки. Кассиан подождал и позвал громче. Теперь в голосе была слышна поспешность, от которой стало стыдно и ещё тревожнее. Для него прошла минута. За исчезнувшей дверью Сайа могла прожить десять секунд или полдня. Он давно перестал рассчитывать на одинаковое время по обе стороны любого порога, однако тело продолжало ждать ответа в обычную человеческую секунду.

Он поставил сумку у стены и достал телефон. Часы шли, секунды сменяли друг друга. Сети не было; геолокация ничего не определяла, список беспроводных сетей оставался пустым. Кассиан проверил его дважды, убрал телефон и сел рядом с сумкой. Сначала требовалось разобраться, где он оказался. Так он сказал себе, устраиваясь на холодном полу. Двери больше нет, вход теперь можно потерять, и если Сайа появится здесь, кто-то должен быть на месте. Удобство этих доводов он заметил сразу. Просьба, высказанная перед расставанием, никуда не исчезла вместе с дверью. Он вытянул ноги и остался сидеть.

Первые четыре минуты были заполнены каждым отдельным звуком. Потом телефон снова оказался у него в руке, и короткая цифра на экране вызвала раздражение: по ощущениям он ждал значительно дольше. Напротив, почти от потолка, спускалась тонкая трещина. Она раздваивалась на уровне его глаз и терялась в неровностях краски. Кассиан переводил взгляд с одной ветви на другую, не доходя до конца, потому что мысль снова уводила к трём дверям.

Сайа могла вернуться в их прежнюю жизнь, где не требовалось объяснять чужим людям, почему у двух женщин одно лицо и одинаковые документы. Могла выбрать город, который они

покинули: там её знали в книжном, там были люди, к которым можно обратиться. Комнату пришлось бы искать снова, о работе договариваться, и всё же адреса оставались знакомыми. За каждой из этих дверей у неё был следующий день. Кассиан умел думать об этом без обиды, пока представлял дни в общем. Стоило увидеть Сайу за столом, с одной чашкой перед ней, как начинало болеть под рёбрами.

Левая нога затекла. Он согнул её, помассировал икру, потом надел куртку: холод от стены уже прошёл сквозь рубашку. В сумке лежали документы, одежда и немногие мелочи, которые они выбрали перед уходом. Собираться было легче, чем сидеть сейчас. Тогда у каждого предмета можно было спросить, нужен ли он в дороге, и получить хотя бы приблизительный ответ. Они оставили достаточно вещей в мире, который продолжал жить без них; не пытались унести доказательства всей прожитой там жизни.

Телефон коротко завибрировал. Кассиан вздрогнул и сразу поднял его к лицу, но сообщения не было: палец задел кнопку на зажатом в ладони аппарате. Открылась галерея. Последним снимком были четверо – он, Сайа и люди с такими же лицами, с которыми они недавно прощались. Другой Кассиан отвернулся в момент съёмки; женщина рядом с ним моргнула. Сайа смотрела прямо в камеру. Его Сайа – мысль всё ещё выбирала это слово, хотя принадлежность могла быть только в его любви к ней, больше нигде. Сам он получился усталым, с нелепо поднятым плечом.

Он перелистнул снимок. Комната, окно, стол, край чашки. Дальше – очищенная древесина на верстаке, снятая так близко, что непонятно, что за предмет перед объективом. Потом Сайа за полками книжного. Вечером она увидела этот кадр и рассердилась: он фотографировал издали, не спросив. Кассиан помнил собственное первое желание оправдаться удачным светом. Позже он всё же спросил, можно ли оставить фотографию, и Сайа разрешила. Сейчас ему захотелось услышать даже ту её сердитую интонацию. Он погасил экран, пока не начал увеличивать лицо.

Через некоторое время ожидание стало почти незаметным снаружи. Кассиан сидел, иногда менял положение, проводил ладонью по глазам. Но стоило за поворотом чему-нибудь стукнуть, он уже поднимался. Один такой звук увёл его на несколько метров от сумки. Там оказалось пусто. Вернувшись, он увидел сумку у стены и почувствовал короткое облегчение оттого, что хотя бы она осталась там, где он её поставил.

На двадцать седьмой минуте он впервые допустил, что Сайа уже выбрала. На сорок первой – что третья дверь могла вывести её в другое место. Через час стало неясно, что изменят ещё десять минут. Телефон лежал экраном вниз на бедре. Заряд уменьшился на несколько процентов; эта мелочь неприятно напомнила, что у происходящего есть пределы. Розеток рядом не было. Еды он при сборах не положил. О воде сейчас не мог вспомнить ничего определённого и отложил проверку сумки: жажда ещё позволяла не двигаться.

Промежутки между взглядами на часы растягивались. Иногда казалось, что он только что убрал телефон, а проходило почти полчаса. Свет оставался тем же, стена холодила спину, трещина напротив не менялась. Кассиан вспоминал последнее объятие: как сначала держал Сайу привычно, а потом сжал сильнее, уже зная, что может отпустить надолго. Они сумели проститься без обещания непременно встретиться. Она попросила его идти. Он согласился. Теперь он сидел и прислушивался, прекрасно помня, на какое именно обещание выторговывает себе отсрочку.

Наконец он поднялся размять ноги и дошёл до ближайшего поворота. За ним тянулись ещё метров тридцать коридора, дальше была развилка. Кассиан постоял, чувствуя, как покалывают стопы, и вернулся. У пола возле места ожидания он заметил скол. Под серым слоем белела старая краска. Он вынул монету и ребром провёл рядом короткую черту, затем вторую, чуть ниже. Светлые линии остались. Кассиан потёр их пальцем; краска осыпалась, но отметки

не исчезли. Теперь эту стену можно было узнать, и от такого небольшого приобретения стало спокойнее.

К концу второго часа он уже часто сглатывал, стараясь смочить горло. Плечо ныло, хотя сумку он почти не носил, в животе появилась голодная пустота. Кассиан раскрыл боковой карман и обнаружил бутылку, с которой вышел из комнаты утром. Там оставалось чуть больше половины. Несколько секунд он держал её, вспоминая, как они пили на скамье перед дверями и как он потом сунул воду обратно. Память о собственном движении вернулась легче, чем уверенность, что он способен сейчас толком соображать. Он оценил остаток, выпил немного и плотно завернул крышку.

– Ну и где ты? – спросил он почти беззвучно.

Впервые за всё время вопрос не потянул за собой изображения дверей. Он увидел Сайу завтра: проснувшуюся в незнакомой комнате или в старой квартире, умывающуюся, ищущую полотенце. Если она осталась в городе, ей предстоит спрашивать о жилье, возможно – снова зайти в книжный. Если пришла сюда, она сейчас может так же стоять с бутылкой в руке и экономить воду. В каждой из этих жизней она будет что-нибудь делать, встретятся они с ним или нет. Кассиан откинул голову к стене. Жизнь Сайи продолжалась за пределами его знания, и сейчас он чувствовал прежде всего, насколько далеко сам оказался от неё.

Следующий раз он дошёл до развилки уже с сумкой. Левый проход выглядел ничем не хуже правого. Если Сайа появится у стены через минуту после его ухода, они разминутся. Если она где-то в глубине этого места, ждать её у исчезнувшей двери бесполезно. Обычно Кассиан в такой ситуации искал то, что можно проверить: сквозняк, следы обуви, звук, перепад высоты. Здесь ни один доступный признак не рассказывал о человеке. Почти минуту он стоял между двумя проходами, затем вернулся к своим царапинам. Сфотографировал стену вместе со скотчем и участком пола, сделал второй кадр вдоль коридора. Получилась возможность отойти и хотя бы попытаться вернуться.

Первый маршрут занял немного времени. За правым поворотом оказалась лестница на один этаж вниз. Внизу белела старая плитка, коридор уходил прямо. Кассиан прошёл метров пятнадцать и повернул обратно. Наверху его ждали две черты и трещина напротив. Во второй раз он спустился дальше, дошёл до конца плиточного коридора и открыл дверь слева. За ней была та же лестничная площадка. Он смотрел на бетонные ступени, по которым только что пришёл с другой стороны, потом обернулся: вместо белой плитки позади тянулся короткий зелёный проход. Кассиан закрыл дверь и открыл снова. Ступени остались.

Он поднялся, считая. Двадцать две. На верхней площадке повернул к исходной стене и действительно увидел её. Часы показывали, что прошло девятнадцать минут вместо предполагаемых пятнадцати. Время пока расходилось с ощущением терпимо; с пространством было хуже. Кассиан записывать выводы не стал. В третий раз он пошёл почти на сорок минут, оставляя монетой отметки: одну при левом повороте, две при правом. Сначала это помогало. Он узнавал собственную косую черту, возвращался к двойной и выбирал новый коридор.

Три царапины остановили его сразу. Они были короткими, почти как его, но ближе друг к другу; нижняя уходила под углом. Кассиан присел и тронул светлую бороздку. Определить, давно ли её сделали, не получалось. Он ещё смотрел на стену, когда в голове уже прозвучало имя Сайи. Встав, он крикнул так громко, что горло заболело. Эхо разошлось по проходам. Кассиан дождался, пока оно стихнет, и пошёл быстрее.

За следующей развилкой отметок не оказалось. Лестница вывела вверх, потом была дверь, за ней – пустая комната с радиатором и голой лампочкой. Другого выхода не было. Он вернулся, но трёх царапин уже не нашёл. Стена была чистой. Или он стоял у другой стены, достаточно похожей, чтобы память узнала её ошибочно. Кассиан ударил ребром ладони по бедру: одинаковый цвет, одинаковая полоса у пола, тот же свет, и ни одного надёжного способа различить места.

Он вынул телефон и увеличил первый снимок. На фотографии трещина оставалась напротив скола; две сделанные им линии были на прежней высоте. Это изображение удерживало больше, чем стены вокруг. Кассиан попытался восстановить маршрут по порядку поворотов. Через несколько минут снова увидел три царапины, теперь с противоположной стороны. Подошёл и добавил четвёртую. Если встретит ещё раз, будет с чем сравнить.

К исходной точке он вышел только спустя почти час. Сначала узнал раздвоенную трещину, затем увидел две черты. Сумка оттянула плечо, во рту пересохло, от возбуждения первых вылазок ничего не осталось. Он поставил вещи и сел. Сайи не было. За этот час она могла прийти сюда и уйти на поиски, могла пройти мимо него в соседнем коридоре. Узнать об этом было так же невозможно, как узнать её выбор. Кассиан посмотрел на свои повреждения краски: за несколько часов они успели стать местом возвращения, почти домом, хотя не дали ему ни одного сведения о том, ради кого он к ним возвращался.

В заметках он написал: «Начало. Две царапины», добавил время. Слева что-то щёлкнуло, отчётливо, словно закрылась дверь. Кассиан сразу поднялся. Дошёл до поворота, позвал и услышал, насколько охрип. Коридор был пуст. Дальше расходились два пути: знакомая лестница и проход, в который он ещё не заглядывал. От лестницы шёл слабый гул, в другом было темнее. Оба признака имели отношение только к коридорам.

Он стоял между ними и думал, что может снова сесть у стены. Просидеть там час, сутки, израсходовать воду – и сохранить всё то же незнание. Сайа могла войти сюда. Могла выбрать другую дверь. Он не был способен сделать один из вариантов вероятнее только потому, что очень нуждался в нём. Ремень давил на плечо, над головой ровно гудел свет. Кассиан повернулся в сторону оставленной стены; отсюда её уже не было видно.

Он пошёл незнакомым проходом. Через несколько метров коридор сузился, стены потемнели. Под ногами появился деревянный пол. Доски отзывались на его вес отдельными скрипами, и Кассиан замедлил шаг, прислушиваясь к этому давно забытому звуку. Он остановился ещё раз, дождался тишины и продолжил идти.

Глава 2. Где Сайа

Деревянный пол тянулся ещё минут десять. Кассиан всё реже доставал телефон: хотелось сохранить заряд для случая, когда он действительно пригодится, хотя представить такой случай удавалось плохо. Время теперь определялось плечом, дыханием, сухостью во рту. После недавних глотков воды жажда отступила, ноги шли ровно. Доски становились светлее и шире, затем перешли в ступени, которые вывели его в низкий вестибюль.

Вдоль одной стены стояли закрытые двери, вдоль другой тянулись окна. За стеклом был серый свет без улицы и без видимой глубины. Он мог оказаться туманом, небом или освещённой плоскостью в ладони от окна; глаз не находил, за что зацепиться. Кассиан приложил руку к стеклу. Холодное. На подоконнике лежала пыль. Проведя по ней пальцем, он оставил тёмную полосу и некоторое время смотрел, как она сохраняется.

Нужно было оставить возле входа что-нибудь понятнее царапин. Эта мысль появилась запоздало, со всей мучительной ясностью очевидной вещи. Сайа могла бы пройти мимо его двух черт, не задержав взгляда. Кассиан достал смятый чек, нашёл ручку и на чистой стороне написал два имени. Получилось нелепо, словно они вместе отметились на стене, хотя о ней он по-прежнему ничего не знал. Он зачеркнул второе имя и ниже написал: «Кассиан был здесь. Ищу тебя». Пока чек пришлось убрать в карман. Если путь выведет обратно, он оставит его у стены; возвращаться сейчас и снова потерять часы ради одной бумажки не хотелось.

Первая дверь была заперта. Вторая открылась в пустую комнату, третья – на лестницу вверх. За коротким коридором Кассиан оказался перед двумя проходами и поймал себя на привычном вопросе: куда пошла бы Сайа? Справа было немного светлее, слева потолок опускался и пол, кажется, уходил вниз. Она, вероятно, выбрала бы свет. Он сделал шаг вправо и тут же попытался вспомнить, на чём основано это «вероятно». Сайа не любила лезть в неудобные места без причины, но здесь причин не было ни у одного направления. Он уже шёл и не стал возвращаться из-за того, что не сумел обосновать поворот.

Воздух постепенно потеплел. На стенах появились деревянные панели, потом Кассиан почувствовал бумагу: сухую пыль, картон, едва заметный запах клея. Он ускорился раньше, чем успел отделить этот запах от Сайи. За поворотом стояли низкие стеллажи, почти пустые. Дальше они становились выше, книги заполняли полки целыми рядами. На одних корешках не было надписей, другие покрывали незнакомые буквы; попадались и обычные названия. Кассиан вынул ближайшую книгу. Роман открылся на разговоре двух людей в поезде. Несколько строк он прочёл машинально, ожидая узнавания, но текст ничего ему не напомнил. Это была чужая книга.

Он позвал Сайу и прислушался. Голос быстро затих между полками. Проход сужался, сумка цеплялась за выступающие края, и Кассиан понёс её в руке. Ему уже казалось, что впереди должен быть стол и Сайа над раскрытой страницей. Он видел её спину с такой отчётливостью, будто успел побывать здесь раньше. Стеллажи действительно закончились залом. В центре стоял верстак, а за ним никого не было.

На столе лежала мебельная дверца. С одной половины сняли покрытие, другая ещё темнела лаком. Рядом оставили шлифовальный брусок, листы наждачной бумаги, ветошь и открытую банку с бесцветной жидкостью. Сквозь бумажную пыль проступил запах дерева. Кассиан поставил сумку, подошёл и провёл большим пальцем по очищенному участку. Кто-то снял лишнее: вместе со старым слоем ушли верхние волокна, рисунок древесины поблёк. В мастерской ему однажды показали почти такой же испорченный край. Он тогда тоже торопился увидеть чистое дерево и не заметил, как прошёл глубже, чем следовало.

Кассиан убрал руку. Книги привели его к работе, которую он сам узнавал на ощупь. Сайи не было ни между полок, ни за верстаком. Он сфотографировал стол и записал: «Право. Свет-

лее. Книги → дерево». Соблазн поставить перед этим её имя оказался настолько явным, что он задержал палец над экраном, затем закрыл записку.

Обратный путь занял меньше времени. На развилке всё оставалось прежним, включая тесный левый проход. Сайа могла бы пойти туда хотя бы потому, что он считал более вероятным правый. Кассиан усмехнулся собственной неспособности представить её отдельно от спора с ним и вошёл. Почти сразу пришлось пригнуться. Дальше потолок поднялся, зато пол пошёл под уклон. Воздух пах сыростью; вдоль стыков плитки блестела вода. Кассиан ступал осторожно, слыша, как где-то впереди падают редкие капли.

За очередной дверью оказалась площадка с окном. За стеклом двигались облака. Он открыл створку, и ветер сразу остудил лицо, забрал накопившееся тепло под воротником. Кассиан высунулся, насколько позволял проём. Снизу не было видно земли, по сторонам – стены здания. В глубине стоял серый воздух. Он мог различить движущиеся слои облаков, но расстояния между ними оставались неопределёнными. Ветер пах дождём. Несколько минут Кассиан провёл у окна, упираясь ладонями в подоконник. Здесь хотелось задержаться: воздух касался кожи, и ему не приходилось узнавать в нём что-нибудь из своей жизни. Он сделал снимок и закрыл створку.

Вернувшись к двум проходам, Кассиан сравнил результаты, которые ещё трудно было назвать результатами. Дорога, выбранная по предположению о Сайе, вывела к книгам и верстаку. Вторая – к облакам. Он мог приписать этому значение или продолжить идти; после двух маршрутов никакой надёжной разницы между этими действиями не было. Он выбрал следующий коридор.

Дальше пространство усложнилось. Лестницы возвращали на площадки, куда по высоте не могли привести, двери открывались слишком близко к комнатам, которые он оставил далеко позади. Общего плана уже не получалось. Кассиан удерживал короткие связи: красная дверь и спуск, белая плитка и два поворота, деревянный пол возле открытого окна. На развилках царапал краску монетой. Там, где рядом были предметы, двигал их: клал на бок пустую жестяную банку, разворачивал стул, снимал со стены крючок и оставлял на подоконнике.

Через полчаса стул попался снова. Он стоял спинкой в проход, как до перестановки, но возле ножки сохранялась царапина, которую Кассиан оставил на полу. Он развернул его ещё раз и сфотографировал вместе с этой полосой. Следующая встреча произошла почти через час: теперь стул стоял боком. На снимке и на полу царапины совпадали. Кто-то мог двигать его после Кассиана; могло измениться само место. Он постоял рядом и пошёл, так и не добавив ни одной строки в записки.

Воду удалось найти за дверью без ручки. Створка поддавалась нажиму, и в маленьком помещении обнаружили раковину, зеркало и несколько пустых полок. Из крана сначала пошла струя с металлическим запахом. Кассиан подождал, понюхал воду ещё раз, намочил губы. Потом выпил немного, выждал и наполнил бутылку. Он не знал, насколько можно доверять здешним кранам, но следующую воду мог найти нескоро. Умываясь, долго держал ладони у лица, а после смочил шею под воротником.

В зеркале волосы прилипли ко лбу; щетина при плохом свете выглядела темнее, под глазами лежали тени. Кассиан подумал, что Сайа, если она тоже здесь, ищет раковину так же, как он. На стене он написал большую букву «В», рядом «К», затем достал чек. К прежней строке добавил: «Есть вода. Кассиан». Закрепить бумагу было нечем. Он подсунил край за зеркало, оставив написанное снаружи. Уходя, оглянулся. Бумажка была маленькой, однако увидеть её мог человек, подошедший умыться. Кассиан оставил дверь открытой.

Следующие часы у него было занятие, на которое хватало и сил, и упрямства. Он проверял ответвления, пытался вернуться к воде, выбирал проходы, где Сайа, по его представлению, могла задержаться. Он действительно знал многое: что спёртый воздух быстро её утомляет, что она сначала старается увидеть, куда идёт, что вывеска или чужая книга могут увлечь её

сильнее удобной дороги. Знания были настоящими. Надёжного маршрута из них всё равно не получалось.

Одна такая попытка привела в комнату с фотографиями. Снимки висели на стенах, некоторые криво, без рамок. Холм перед закатом, стол из снятой после станции комнаты, герань в горшке, древесина в зажиме, собственные руки Кассиана. Он подошёл к одному кадру. Мастерская была узнаваема, хотя такого снимка он не помнил. Свет падал со знакомой стороны, и на краю стола виднелась тёмная полоса. Кассиан снял лист со стены и посмотрел оборот. Ничего.

Сайа почти нигде не попадала в изображение. Холм обрывался там, где она должна была стоять рядом; на снимке комнаты была половина кровати. В книжном её место заслоняла стойка. Кассиан вернул лист на стену и вышел, стараясь не задеть остальные. Дорогу обратно потерял почти сразу. В памяти осталось неприятное ощущение знакомых вещей, из которых каждый раз успевали убрать человека.

Тогда он попробовал представить, как Сайа искала бы его. Следы, любые следы чужого движения – на них он сам сейчас отзывался быстрее, чем на свет или воздух. На ближайшей развилке длинная царапина увела его влево. Минут через двадцать он нашёл светлую рубашку, аккуратно сложенную на стуле. Пуговицы отличались одна от другой, одна была пришита ниткой чуть другого оттенка. Кассиан развернул рубашку, приложил к себе. Его размер. Палец сам лёг на пришитую пуговицу: почти так же он когда-то подтягивал нитку, чтобы та держалась. Он сложил рубашку и вернул на сиденье.

Запах еды вывел к столу с хлебом, яблоком, ножом и старой кружкой. Рядом стоял ящик с сорванной петлёй. Кассиан остановился в дверях. Он шёл сюда, думая, что Сайа должна быть голодна; первым делом увидел петлю и уже знал, как её укрепить. К столу он не подошёл, хотя желудок сводило. Вернулся в коридор и там задержался, злясь на себя за оставленную еду. Совпадений набиралось больше, чем он мог отмахнуться, но злость не помогала понять их происхождение.

Кассиан начал бросать монету. Первый случайный маршрут закончился комнатой с тремя матрасами, второй привёл к раковине, третий – на холодную площадку с далёким гулом. Там он сел у стены и записал: «Пути, выбранные через предположение о Сайе, выводят к связанному со мной. Случайные – нет». Прочёл и добавил: «Выборка слишком мала». Он уже выбирал, что считать совпадением. Раковина тоже могла напомнить Сайу; почти любой стол – их комнату. И всё-таки рубашка на стуле не выходила из головы.

На следующей развилке было три направления. Кассиан представил Сайу после долгой ходьбы – голодную, измученную, возможно, испуганную. Широкий проход с мягким светом показался ему тем, в который она вошла бы охотнее. Через десять минут он нашёл фотоаппарат. Другой, не его старый, но рука мгновенно вспомнила вес похожего корпуса. Кассиан оставил аппарат на месте. Тёмная лестница, которую он выбрал затем как наименее Сайину дорогу, вывела в пустое незнакомое помещение.

Он повторил попытку ещё несколько раз. За одним поворотом оказался стол с инструментами; за следующим, выбранным наперекор собственному предположению, – голый зал. Потом были две белые чашки на столе, дальше – длинный переход с окнами. Перед чашками Кассиан задержался. Они даже не походили на те, которые остались в комнате. Он взял одну, ощутил тяжесть керамики, провёл большим пальцем по пыльному дну и поставил обратно. Он пришёл за Сайей и стоял над чужой посудой, стараясь вычитать из неё способ продолжить поиск.

– Где она? – спросил он устало.

Ответа не было. Кассиан убрал монету. Повторять маршруты дальше можно было часами, но он уже с трудом помнил, что успел пройти, а что только собирался проверить. Позже он снова вышел к раковине с буквой «В». Чек торчал из-за зеркала как прежде. В других местах встречались его собственные царапины, к которым он попадал с неожиданной стороны. Вода

находилась и снова терялась. Телефон пришлось перевести в режим экономии; фотографии он больше не делал.

Голод вскоре стал важнее неприязни к здешним столам. В одной комнате Кассиан съел хлеб и два яблока, в другой взял небольшой пакет сухого печенья. Упаковка была до обидного обычной: мелкий состав, дата, полоса неровно запаянного шва. Он долго вертел её в руках. Этой едой можно было поддерживать себя ещё какое-то время, значит, блуждать здесь тоже можно было дольше, чем хотелось думать. Часть печенья Кассиан убрал в сумку.

Когда шаг начал ломаться от усталости, ему попала комната с диваном. Продавленная середина, шероховатая обивка, маленькое окно под потолком. Он проверил дверь и стену за диваном, поставил сумку между собой и спинкой, оставил бутылку под рукой. Телефон положил в нагрудный карман. Сон пришёл раньше, чем он сумел удобно устроить шею.

Проснулся Кассиан от рывка собственной руки. Она тянулась вперёд, пытаясь удержать ладонь, которая только что была в его ладони. Несколько секунд комната не узнавалась. Потом серая стена вернула коридоры, третью дверь и отсутствие Сайи. Телефон показал неполные два часа сна. Шея болела, затёкшая нога плохо сгибалась, во рту пересохло. Он сел, выпил воды и попытался восстановить сон. Осталось только прикосновение и мгновение, когда держать стало нечего.

Теперь одиночество Сайи представлялось ему телесно и потому гораздо страшнее. Она могла натереть пятку, заснуть на холодном полу, лишиться воды. Могла находиться за несколькими стенами и звать его, пока он спал. Кассиан поднялся и первые полчаса двигался почти бегом, всё чаще окликая её. Дважды ударился плечом о косяк, затем поскользнулся на влажной плитке и удержался, только опершись ладонью о стену. Боль в запястье заставила постоять. Сломанная нога не приблизит его к Сайе. Он подождал, пока дыхание выровняется, и дальше пошёл медленнее.

Перед следующими тремя проходами привычный вопрос возник снова. Куда пошла бы она? Кассиан уже повернулся и остановился. Он мог вообразить Сайу, выбравшую любой из трёх путей, и у каждой нашлось бы убедительное основание. Одна искала воздух, другая – следы, третья решила пройти то, что ещё не проверено. Он знал её живые привычки, но последние часы требовал от них ответа на вопрос, которого ей никогда не задавал.

Кассиан постоял, закрыв глаза. Стало душно, и он пошёл туда, откуда тянуло прохладой. Коридор оказался длинным. Светильники редели, стены стали бетонными, потолок поднялся. Он прошёл ещё несколько поворотов, заглянул в пустой боковой проход, вернулся и только потом вышел в зал с колоннами. Прохлада здесь почти не двигалась. Между рядами лежали участки тусклого света, дальний конец помещения терялся в темноте.

Кассиан шёл медленно. Звать больше не хотелось: собственный голос утомил его, горло саднило. Шаги возвращались между колоннами то сбоку, то спереди, и он долго принимал каждый запоздалый звук за своё эхо. Один шаг прозвучал, когда он уже стоял. Кассиан подождал. Тишина держалась несколько секунд, потом где-то впереди послышалось ещё движение. – Сайа?

На границе света мелькнула фигура. Лица он не увидел – тёмные волосы, знакомый рост, наклон плеча. Кассиан пошёл быстрее, обогнул колонну, почти сорвался на бег, но удержал шаг. Человек появился снова, ближе. Сайа стояла между двумя колоннами, чуть согнувшись, словно тоже только что торопилась. На ней была одежда, которую он помнил перед дверями; колено испачкано тёмной пылью, волосы растрепались. Увидев его, она остановилась.

Между ними оставалось метров десять. В это расстояние сразу вместились все пройденные коридоры, рубашка на стуле, две чашки, часы возле исчезнувшего порога. Сайа сделала шаг. Кассиан стоял, и она тоже замедлилась, вглядываясь в него. Потом тихо произнесла его имя. Облегчение пришло такое сильное, что он почти потерял дыхание; вместе с ним тело напряглось, ещё не умея принять то, чего ждало всё это время.

Глава 3. Та, которую надо найти

Кассиан смотрел на прядь, прилипшую к её виску, на пыль у колена, на светлую полосу вдоль рукава. Сайа дышала часто и неглубоко, словно перед этим тоже долго шла, а потом испугалась собственных шагов. Она не улыбалась. Ему вдруг стало больно от своей неподвижности: человек стоял перед ним и ждал, пока он позволит расстоянию между ними исчезнуть.

Последние метры они прошли навстречу почти одновременно. Сайа коснулась его руки, и Кассиан сжал пальцы, провёл большим по костяшкам. Ладонь была тёплой и сухой. Он ещё держал её, когда Сайа шагнула ближе и прижалась к нему. После пустых коридоров тяжесть её рук на спине оказалась почти невыносимой. Кассиан закрыл глаза, ощутил волосы у щеки и дыхание возле шеи, потом обнял крепче. Несколько секунд он был способен только держать её.

Он отстранился совсем немного. Сайа подняла голову, и Кассиан сказал первое, что сумел:

– Ты здесь.

– Похоже на то.

Голос у неё охрип. Кассиан достал воду; она взяла бутылку обеими руками, сначала приникла к ней жадно, затем заставила себя пить медленнее. Вернула и вытерла рот тыльной стороной ладони. На вопрос о воде сказала, что находила кран, но вернуться к нему не сумела. Телефон остался где-то по дороге. Последний раз она помнила его возле деревянной скамьи; после сна и нескольких переходов в кармане аппарата уже не было. Кассиан хотел спросить о скамье подробнее, но Сайа потёрла лоб и присела у колонны. Он сел рядом.

Оставшееся печенье они разделили пополам. Сайа откусила от первого, положила остаток на ладонь и некоторое время смотрела на него, привыкая к еде. Кассиан всё поглядывал на неё. Самому ему хотелось называть это радостью встречи, хотя за каждым взглядом пряталась попытка узнать больше. После Ночи он не мог считать знакомое лицо достаточным ответом. За такими лицами бывали другие жизни, со своей памятью и собственным правом продолжаться. О Лабиринте он пока знал лишь то, что коридоры не держатся на месте, а среди чужих вещей неожиданно встречаются узнаваемые.

Сайа рассказала, как вышла в низкий длинный проход, несколько раз пыталась вернуться к двери и всякий раз попадала в другую комнату. Потом нашла воду, спустилась по лестнице, которая будто не собиралась заканчиваться, заснула на скамье. Проснувшись, услышала шум и пошла на него, уверенная, что впереди Кассиан. В стене стучала старая труба. Она говорила с паузами, доедая печенье, и он чувствовал, как знакомая усталость этого рассказа постепенно возвращает ему надежду.

О дверях он спросил уже после еды. Сайа стряхнула крошки с ладони, взглянула на него чуть дольше обычного.

– Я вошла в третью.

Кассиан опустил глаза. Он не хотел никуда прятать радость, с которой услышал эти слова. Перед расставанием он допускал иной выбор и теперь всё равно был счастлив тому, что ему сказали. Вопрос, может ли он доверять этой встрече, остался, но в тот миг он не сумел бы поставить его между собой и Сайей.

– Почему ты её выбрала?

– Потом расскажу. Давай сначала отсюда выйдем.

Он кивнул и убрал пустой пакет. Они поднялись, отряхнули одежду и пошли рядом. Сайа первое время держалась близко, иногда касалась его локтя, обходя колонны. Потом зал закончился, проход сузился, и им пришлось идти друг за другом. Кассиан слышал её дыхание за спиной и несколько раз оборачивался, хотя уже видел, что она рядом.

Первые часы были счастливыми с той скромностью, которую допускают усталость и неизвестная дорога. Теперь на лестнице можно было остановиться и сказать, что сбился со счёта. На развилке слышался второй голос. Сайа однажды настояла на левом проходе, потому что оттуда тянуло теплом; позже заметила за металлическим шкафом дверь, мимо которой Кассиан уже прошёл. В помещении с залитым полом они поспорили. Он хотел проверить глубину у стены и пройти, она предложила поискать сухую дорогу. Обход занял сорок минут и привёл почти к той же воде с другой стороны.

– Можешь сказать, – предложила Сайа, глядя на знакомую тёмную полосу вдоль стены.

Кассиан повернулся к ней. Она поправила сползший ремень и добавила:

– Что через воду было бы быстрее. Ты же с самого поворота собираешься.

– Собираюсь, – признался он. – Только я всё ещё не знаю, куда она ведёт.

Сайа толкнула его плечом. Он засмеялся, и некоторое время они шли молча, сохраняя тепло этой короткой нелепости. Ему нравилось вновь быть рядом с человеком, который мог заметить выражение его лица раньше, чем он сам. Всё остальное отступало.

В маленькой комнате со столом и двумя стульями лежала книга. Сайа взяла её, пока Кассиан осматривал шкаф у дальней стены. Он слышал шелест страниц и почти улыбался. На вопрос, нашла ли она что-нибудь интересное, Сайа ответила, что пока не поняла. Через несколько минут он предложил идти, и она закрыла книгу, положила обратно. Позже Кассиан вспомнит это движение. В ту минуту оно прошло незаметно.

Еду они нашли в следующем помещении: хлеб, яблоки, небольшой пакет орехов. Кассиан осмотрел всё, понюхал хлеб, разломил кусок. Сайа ждала, сидя на низкой тумбе. Взяв яблоко, сказала, что была уверена: он разберётся, что здесь можно есть. Кассиану понравилась её уверенность. Он понимал, что знает о здешней еде немногим больше неё, однако от этих слов стало спокойнее и ему самому.

Позже Сайа начала прихрамывать. Пятку натёр край обуви, и они остановились возле лестницы. Кассиан вырезал из мягкой ткани небольшой кусок, сложил и помог уложить так, чтобы он не сбивался при ходьбе. Сайа держала снятый ботинок и смотрела на его пальцы. «Без тебя я бы давно босиком ходила», – сказала она. Кассиан ответил, что тогда ещё пришлось бы искать место, где мыть ноги, и они оба рассмеялись. Она встала, осторожно перенесла вес на большую стопу и сказала, что лучше. Он забрал оставшуюся ткань в сумку.

Дорога становилась труднее. Коридор оборвался провалом, который можно было бы перепрыгнуть, если не смотреть вниз. Дна видно не было. Кассиан несколько раз прикинул расстояние, Сайа подошла к самому краю и сразу отступила. Он предложил обход. Полчаса спустя они упёрлись в заклинившую металлическую дверь. Кассиан толкал её плечом, потом нашёл узкую железную полосу и подsunул в щель. Сайа помогала, пока край не натёр ей ладонь; после этого держала сумки и отошла, чтобы дать ему развернуться с рычагом. Дверь поддалась с резким скрежетом.

– Я знала, что откроешь, – сказала Сайа, проходя внутрь.

За дверью лежали разобранные стулья, мебельные щиты, столы без ножек. Кассиан сразу заметил рейку, которая подошла бы для следующего рычага, и уже потянулся к ней, потом оставил на месте. Сайа сидела на краю стола, растирая ладонь. Он спросил, идёт ли она. Она поднялась. Кассиан вдруг вспомнил, сколько раз за последние часы произнёс это «идём», как легко за ним следовали поворот, остановка, новая попытка. Ему стало не по себе, хотя ничего необычного в том, что более уставший человек позволяет другому вести, не было.

На следующей развилке он замедлил шаг, ожидая, что сделает Сайа. Она спросила, куда теперь, предложила левый проход, затем посмотрела на него. Кассиан пожал плечами. Они пошли налево и скоро встретили запертую дверь. Сайа попробовала ручку, толкнула сильнее, осмотрела замок. Кассиан стоял рядом. Когда она предложила вернуться, он ответил: «Если хочешь». Сайа нахмурилась.

– Почему ты вдруг всё перекладываешь на меня?

Он услышал наконец, как это выглядело с её стороны: ещё недавно сам выбирал, а теперь молча ждал от неё действий, которым заранее собирался приписать какой-то смысл. Кассиан выдохнул, почти смеясь от неловкости.

– Да, странно получилось. Давай вернёмся.

Он больше не задерживался на развилках ради проверки. Сайа уставала быстрее него, и это было видно без всяких испытаний: по замедлившемуся шагу, по тому, как осторожно она ставила ногу. Кассиан предлагал отдых, находил сухое место, давал воду. Она принимала помощь легко. Ему не требовалось уговаривать или доказывать, что она нужна, и он всё чаще замечал, с какой готовностью начинает следующую заботу ещё до того, как закончилась предыдущая.

Вечером – он по-прежнему называл так усталость, становившуюся тяжелее обычной, – они нашли комнату с большим диваном. На нём было тесно, но после пола он казался удобным. Сайа легла первой, подвинулась и оставила ему место. Кассиан устроился на боку. Она положила ладонь ему на грудь.

– Ты же не уйдёшь, пока я сплю?

– Нет, – ответил он.

Сайа придвинулась ближе и скоро заснула. Кассиан поправил куртку, которой они укрылись, слушал её дыхание. Вопрос был понятен после долгого блуждания в одиночестве. Он лежал, чувствуя её вес рядом, и хотел, чтобы этого хватило до утра. В конце концов сон забрал и его.

Проснулся он раньше. Рука Сайи лежала у него на животе, расслабленное лицо было особенно знакомым. Кассиан осторожно высвободился и сел. Они вместе, теперь осталось найти дорогу – так легко было устроить ближайшее будущее. Он мог бы провести в нём весь день. Вместо этого почувствовал, насколько сильно хочет, чтобы встреча решила всё остальное за него. Сайа проснулась от движения дивана, спросила, куда он собрался. Кассиан показал бутылку. Она закрыла глаза ещё на минуту, а он сделал несколько глотков и посмотрел на остаток: меньше половины.

После сна Сайа шла бодрее. Сама нашла раковину, заметила еду на нижней полке прежде него, несколько раз выбрала направление. Кассиан ловил себя на желании успокоиться именно из-за этих действий и сердился: вчера он молча проверял её на развилке, сегодня продолжал то же самое внутри. Он постарался заняться дорогой. Впереди обвалился потолок, и проход закрывали камни вперемешку с металлическими направляющими. Сверху было не перелезть, внизу оставалась узкая щель.

Они вместе убрали мелкие обломки. Большая плита почти не двигалась. Кассиан показал Сайе, с какой стороны взять, она попробовала и отпустила, тяжело дыша. Он уже собирался сказать, что нужно ещё раз, но увидел, как побелели её пальцы. Они переместили руки ниже, подложили под край кусок направляющей и только после нескольких попыток сумели сдвинуть плиту. Сайа села на камень. Кассиан тоже опустился на корточки, чувствуя дрожь в руках. Прохода теперь хватало, чтобы протиснуться боком.

Он хотел сказать ей «видишь, можешь», словно всё это затеялось ради доказательства. Вместо этого попросил пока подержать его сумку. Сайа приняла её, отдышалась, потом пролезла первой и забрала вещи с другой стороны. Через несколько метров они остановились и долго отряхивали одежду. Пыль въелась в складки, у Кассиана на ладони открылась мелкая царапина. Сайа смочила край ткани и протянула ему. Он прижал ткань к руке, пока она поправила обувь.

Дальше была лестница, за ней холодный участок, где пальцы начали неметь. Кассиан шёл впереди и чувствовал, как легко знает, что делать: найти место потеплее, проверить дверь, придержать створку, дожидаться Сайи. Ничего дурного в этих действиях не было. Тяжелее признать

оказалось собственное облегчение при каждом её взгляде. Ей нужна его помощь – значит, ему есть место рядом. Он давно знал в себе эту склонность, особенно после потерь, и всё же сейчас она успокаивалась так сладко, что он позволял ей выбирать за себя всё чаще.

После долгого подъёма Сайа сказала, что одна бы точно не дошла. Кассиан промолчал и получил её настороженный взгляд. Она спросила, что случилось. Он ответил не сразу, потом поинтересовался, почему она так уверена. Сайа показала на лестницу: она едва поднялась с ним. Кассиан посмотрел на её пятку, на руку, которой она держалась за стену, и понял, что собирается спорить с чужой усталостью, потому что испугался удовольствия от благодарности.

– Я рад, что помог, – сказал он. – У меня сегодня всё время получается думать ещё о чём-нибудь, когда можно на этом остановиться.

Сайа провела ладонью по лицу и попросила дать ей минуту. Они постояли у стены. Она отдышалась, потом взяла его за руку. Кассиан пошёл рядом, всё ещё чувствуя то приятное место внутри, где слова «без тебя» задержались дольше, чем вся остальная фраза.

Через несколько часов им встретилась комната, почти целиком заставленная книгами. В углу стояло кресло. Сайа оживилась: вытащила одну книгу, вторую, вернула первую на полку и села. Кассиан занялся сумкой, проверил воду и телефон, ощупал натёртое плечо. Потом лёг у стены и закрыл глаза. Было хорошо слышать, как она переворачивает страницы.

Минут через десять шелест прекратился. Кассиан открыл глаза. Книга лежала у Сайи на коленях, а сама она смотрела на него. «Пойдём?» – спросила она. Он ещё не собирался вставать, но вещи действительно уже были сложены. Кассиан сказал, что может подождать. Сайа закрыла книгу и поднялась. Его предложение взять её с собой вызвало короткую паузу. Она посмотрела на обложку и ответила, что не настолько интересно. Поставила том на место.

По дороге он возвращался к этому движению и всё яснее видел собственное участие в нём. Как обрадовался, когда она села читать. Как ждал, что книга удержит её сильнее, чем готовность идти с ним. Теперь даже отказ от не понравившегося текста рисковал стать уликой. Кассиан ничего не сказал Сайе. На следующей остановке она выбрала еду, потом свернула первой, а он старался наконец идти рядом, не выставляя происходящему оценок.

– Хорошо, что я всё-таки пошла за тобой, – сказала она позже, когда они миновали ещё одну лестницу.

Кассиан замедлился. Сайа сделала два шага и повернулась к нему. Он попросил повторить, хотя слышал прекрасно. Она повторила, теперь с недоумением, и пояснила: он выбрал третью дверь, она тоже вошла. У него внутри стало тихо. Он всё это время готовился услышать, что Сайа осталась или вернулась в прежнюю жизнь, а теперь обнаружил, с какой силой хотел именно этих слов – за ним.

– Ты потому и выбрала её?

Сайа смотрела, пытаясь понять, чем задела его.

– Там был ты.

Радость пришла сразу, почти детская. После всех усилий отпустить её он оказался выбранным. Ему захотелось взять Сайу за руки, прижать к себе и больше ни о чём не спрашивать. Он испугался этого желания и спросил всё-таки:

– А если бы ты не знала, куда я пошёл?

– Я знала, Кассиан. Как мне теперь ответить?

Он отвёл взгляд. Перед дверями они уже понимали, что не смогут вычесть друг друга из своей жизни ради чистоты решения. Сейчас он стоял в коридоре и требовал от неё воображаемого выбора, в котором не было бы самого важного для них обстоятельства. Сайа подошла, взяла его за руку. Сказала, что любит. Он закрыл глаза. Эти слова попадали туда, где болело, с точностью, которой он одновременно желал и боялся.

– Я начал тебя допрашивать, – сказал Кассиан. – Извини.

Она ещё некоторое время стояла напротив, затем обняла его. Он ответил не сразу. Ему хотелось поверить в эту встречу настолько, что любое сомнение казалось собственной жестокостью. Но и согласиться только ради конца поисков он не мог. Прикосновение оставалось тёплым, дыхание – знакомым. Сайа молчала у его плеча, и это молчание не требовало ни решения, ни объяснения. Потом они пошли дальше.

Ещё долго ничего заметного не происходило. Они находили проходы, ошибались, возвращались. Кассиан уставал. На одной развилке ему стало безразлично, куда сворачивать; Сайа выбрала сама, но вскоре остановилась и спросила, уверен ли он, что это верный путь. Он честно ответил, что нет. Они повернули обратно, хотя никаких новых сведений у них не появилось. Позже у запертой двери Кассиан сел, оставив ручку в покое. Ему не хотелось разбираться с замком. Сайа устроилась рядом. Почти полчаса они сидели у стены, время от времени обмениваясь несколькими словами, и ни один не предлагал вставать.

В бутылке кончилась вода. Сайа спросила, далеко ли следующая раковина. Кассиан не знал. Он посмотрел на её пустые руки, затем на свою сумку и вдруг почувствовал, как сильно не хочет сейчас быть тем, кто знает. Усталость не давала ни благородства, ни ясности. Ему хотелось пройти некоторое расстояние одному, перестать слышать ожидающий вопрос прежде, чем он прозвучит. Он помнил себя способным любить и помогать без этого тяжёлого обязательства. Сейчас рядом с ней снова выбирал обязательство, часто даже раньше её просьбы.

– Я хочу побыть один, – сказал он.

Сайа подняла голову. Сначала решила, что ему нужно отойти ненадолго, и кивнула. Кассиан увидел это и добавил, что хочет продолжить дорогу один. Она долго смотрела на него, затем поднялась вслед.

– Я что-то сделала?

– Я всё время беру на себя, куда нам идти и что делать. А когда устаю, начинаю злиться на тебя. Сейчас я уже не хочу идти вместе.

Говорить было трудно. Любая мягкая добавка грозила стать обещанием вернуться, а обещать он не мог. Сайа опустила глаза и сказала, что ей страшно оставаться одной. Кассиан сделал движение к ней, остановился. Вода закончилась; пятка всё ещё болела; он не собирался бросать её возле запертой двери только потому, что произнёс собственное желание.

– Давай сначала найдём воду и место, где ты сможешь отдохнуть, – сказал он. – Я тоже хочу пить.

Она кивнула быстро, будто услышала в этом отсрочку, за которой всё может перемениться. Кассиан поднял сумку. Они ещё долго искали открытый проход: вернулись к развилке, обошли зал с мокрым полом, спустились по короткой лестнице. Разговор не продолжался. Сайа шла рядом молча, и он чувствовал почти непреодолимое желание сказать, что погорячился. Это вернуло бы им прежнее тепло немедленно. Оттого слова становились ещё соблазнительнее.

Кран они услышали за неплотно закрытой дверью. В маленькой умывальной капала вода; рядом, через открытый проём, стояла широкая скамья. На ней можно было лечь, подложив вещи под голову. Кассиан пустил воду, дождался ровной струи, выпил и дал бутылку Сайе. Она долго пила, затем умылась. Он наполнил бутылку снова, поставил возле скамьи и положил рядом часть оставшегося хлеба и орехов. Сайа села, сняла ботинок и поправила ткань на пятке. Кассиан дождался, пока она проверит ногу и снова обуется. Из комнаты вели два открытых прохода; они оба видели их, когда входили.

– Поспи здесь, если захочешь, – сказал он. – Вода рядом.

Сайа смотрела на еду, лежавшую между ними.

– А потом?

Он не смог ответить. Она подняла глаза и спросила, вернётся ли он. Кассиан сказал, что не знает дороги назад даже к местам, откуда ушёл час назад, и обещать возвращения не станет. Сайа молчала, сжав край скамьи. Когда он поднял сумку, она встала тоже.

– Я буду тебя ждать.

Кассиан хотел спросить, что она станет делать, если он не вернётся. Вопрос уже был готов, с ним вместе – желание услышать ответ, который позволит ему уйти легче. Он остановил себя. Вчера она могла так же лежать без сна и мечтать найти его. Сейчас ей было страшно оставаться одной. Он не знал, какой будет её жизнь после его ухода.

– Мне жаль, Сайа, – сказал он. – Я всё-таки пойду один.

Она подошла совсем близко и попросила ещё раз. Кассиан смотрел на неё, чувствуя знакомое тепло и собственную готовность занять рядом единственное незаменимое место. Ему нравилось быть необходимым.

Кассиан отступил, затем повернулся к коридору. Сайа пошла следом. Несколько шагов они двигались почти рядом, потом он ушёл вперёд. Она позвала его. Он остановился, обернулся и увидел, что она плачет. Сайа сказала, что ей страшно. Комната с водой была ещё видна за её плечом. Кассиан почувствовал, как руки сами хотят потянуться к ней, вернуть всё в единственное состояние, где он умел немедленно помочь.

– Я знаю, – ответил он хрипло.

Слов, которые сделали бы это расставание безболезненным, у него не было. Он постоял и пошёл дальше. Сайа снова позвала; некоторое время он слышал её шаги, потом только голос. За следующим поворотом слова стали неразборчивы. Кассиан не ускорялся. Когда стихло совсем, ему пришлось остановиться и упереться ладонью в стену. Уверенности не прибавилось. Он только что ушёл от человека, который просил его остаться, и продолжал слышать эту просьбу даже в тишине.

Дальше были длинные пустые коридоры. Несколько раз он возвращался мыслями к книге, к фразе о третьей двери, к тому, как она смотрела, когда он встал у скамьи. Из этих деталей можно было сложить объяснение, в котором он поступил единственно возможным образом. Кассиан не доверял ему. Он не знал, была ли встреченная женщина той Сайей, которую он оставил перед тремя дверями, другой Сайей или чем-то, чему здесь ещё не находилось названия. Её нужда не разрешала этого вопроса. Помнил он достоверно только, что хотел быть рядом, потом хотел уйти и что оба желания причинили боль.

В конце одного из проходов нашлась небольшая комната. На полу стояла закрытая бутылка, рядом лежал хлеб. Кассиан сел у стены. Руки дрожали, плечо отозвалось тупой болью, во рту снова пересохло. Некоторое время он не трогал еду. Ему хотелось вернуться, увидеть Сайу, убедиться, что она дошла до скамьи и пьёт воду. Дорога уже путалась; кроме того, за этим желанием была надежда получить от неё ответ, который снимет с него происходившее.

Он посмотрел на ладонь. На ней оставалась царапина, которую она помогла промыть. Это прикосновение не становилось менее настоящим в его памяти от того, что он не понимал встречу. Кассиан открыл бутылку, выпил, отломил хлеб. Жевал медленно, почти не чувствуя голода. Никто рядом не спрашивал, куда идти и что делать дальше. Он сам тоже пока не знал.

Когда ноги перестали дрожать, Кассиан поднялся, убрал остаток воды и взял сумку. У двери постоял, прислушиваясь к коридору. Потом вышел один.

Глава 4. Полезный

После комнаты с хлебом и водой Кассиан долго шёл по коридорам, которые почти не отличались от прежних. Сумка задевала стены, где проход становился узким; лестницы выводили к очередным дверям. Иногда ему казалось, что он уже был здесь. Он узнавал поворот, пятно возле пола, скол на косяке, но не останавливался сравнивать каждую подробность. На точность сейчас не хватало сил. В тишине вспоминался голос Сайи, и вместе с ним возвращалось желание пойти назад. Кассиан всякий раз задерживался на несколько секунд, потом продолжал дорогу, ничего нового о своём уходе так и не поняв.

Несколько часов у него не было ясной задачи. Он больше не выбирал направления по тому, что могла бы предпочесть Сайа, и пока не умел искать её иначе. Выход тоже не давал о себе знать. Кассиан рассчитывал, что отдохнёт, приведёт мысли в порядок и снова появится что-нибудь, ради чего стоит торопиться. Вместо этого тело вошло в ровный ритм ходьбы. Он считал ступени, замечал, где теплее, где от стены пахнет сыростью. Наблюдения оставались отдельными и ничего не складывали.

Дверь застряла на трети хода. Кассиан прижался плечом к полотну, протиснулся было боком, затем нащупал рукой нижний край и почувствовал, как тот скребёт по полу. Верхняя петля разболталась. Он уже оказался по другую сторону, когда поставил сумку и вернулся. Среди собственных мелких инструментов подходящей отвёртки не нашлось. В соседнем помещении лежали узкая металлическая пластина и ящик с разным крепежом. Кассиан перебрал винты, отложил подходящие по диаметру, подsunул пластину под полотно, чтобы приподнять его. Ребром той же пластины удалось повернуть головку винта, хотя пальцы быстро заболели от неудобного захвата.

Работа заняла минут двадцать. Кассиан убрал подпорку и несколько раз открыл дверь. Теперь она двигалась свободно, едва слышно шелестя петлями. Он проверил ещё раз и неожиданно рассмеялся. За последнее время это была первая вещь, которая откликнулась на его действие так, как он ожидал. Ему нравился этот тихий ход, нравилось, что удалось разобраться и исправить. Он сказал вслух «отлично», поднял сумку и пошёл.

Минут через тридцать встретила сломанная скамья. Кассиан прошёл мимо, остановился, вернулся посмотреть. У одной ножки разошлось крепление, дерево оставалось целым. Соединение можно было стянуть и укрепить с внутренней стороны, но струбины у него не было, а рядом ничего подходящего не нашлось. Он покачал скамью, убедился, что садиться на неё не стоит, и оставил как была. Следующий час мысленно возвращался к этому креплению, примеряя то один способ, то другой.

В большом зале возле входа стоял ящик. Кассиан открыл его и увидел молоток, отвёртки, пилу, стамески, несколько ключей и россыпь винтов. Он сразу посмотрел в коридор. До скамьи было меньше часа, если дорога сохранилась. Можно вернуться, сделать – и идти дальше. Кассиан закрыл крышку. Только после этого заметил мужчину у дальней стены.

Тот сидел на полу, вытянув одну ногу. Пыльные брюки были закатаны над щиколоткой, рядом лежала металлическая секция стеллажа. Мужчина увидел Кассиана почти одновременно с ним и кивнул в сторону входа.

– Из проходов?

Кассиан подтвердил, не зная, о каких именно проходах речь. Мужчина попробовал подняться, поморщился и опустился снова. Лодыжка опухла. Кассиан уже шёл к нему, чувствуя, как сразу появляется понятная последовательность действий: посмотреть ногу, найти холодную воду, дать человеку опору. После нескольких шагов замедлился. Ему вспомнилась Сайа у скамьи. Мужчина заметил остановку и сказал, что не кусается.

– Я вижу, – ответил Кассиан и присел рядом. – Сильно подвернул?

– Если наступать, хочется кого-нибудь убить. Если сидеть – пока только ругаться.

Кассиан осторожно осмотрел ногу. По виду нельзя было уверенно сказать, насколько серьёзна травма. Мужчина мог шевелить пальцами, но попытки встать причиняли боль. На вопрос о холодной воде показал дверь в дальнем углу. За ней оказались лестница и помещение с краном. Вода была ледяной. Кассиан нашёл плотную ткань на полке, намочил и отнёс мужчине. Тот приложил её к щиколотке и вытянулся удобнее, упираясь ладонями в пол.

Секция, как выяснилось, на него не падала. Мужчина сам отступил назад, зацепился за металл и неловко поставил ногу. Кассиан сказал, что тогда стеллаж можно оправдать. Тот разрешил и попросил заодно убрать секцию с прохода, пока она не обзавелась вторым пострадавшим. Они оба усмехнулись. Две части стеллажа уже стояли у стены; дальше лежали коробки, доски, посуда и свёрнутая ткань. Здесь явно устраивались надолго.

Кассиан спросил, давно ли мужчина здесь живёт. Тот ответил, что в этом зале – с тех пор, как перестало получаться найти дорогу обратно к комнате, где он спал прежде. Там было окно и теплее. Он время от времени пытался вернуться, но пока носил сюда найденные вещи: складывать их в проходе надоело. Кассиан начал уточнять маршрут. Мужчина показал на соседнюю дверь, потом махнул рукой: утром ходил за водой совсем другой дорогой, а вышел к той же лестнице. Рассказывать, какой поворот считать вторым, уже не видел смысла.

– Если хочешь помочь, поставим секцию, – предложил он. – Про мои путешествия потом. А то ты стоишь, я сижу и уже чувствую себя подозреваемым.

Кассиан рассмеялся и придвинул детали. Мужчина почти не вставал, но держал стойки и показывал, где лежит крепёж. Они собрали секцию, подняли к стене; Кассиан заметил, что верхнее соединение уходит наружу, ослабил винт и выровнял. Мужчина выждал, пока он проверит работу, затем спросил, можно ли теперь есть. Только тогда Кассиан назвал себя. Мужчина повторил имя, словно запоминая, и попросил достать коробку с крупой.

В коробке были консервы и сушёные овощи. Маленькая электрическая плитка стояла на нижнем ящике. Мужчина предупредил, что работает она не всегда. Кассиан включил её, подождал, затем потрогал холодную поверхность. Мужчина вздохнул и потянулся за банкой: можно поесть и так. Кассиан уже вынул вилку из розетки и перевернул плитку.

– Даже не просил, – сказал мужчина.

– Вижу.

Под крышкой отошёл провод от контакта. Кассиан закрепил его, собрал корпус и только потом снова включил. Через несколько минут от плитки пошло тепло. Мужчина посмотрел на неё с довольным недоверием и сказал, что Кассиан опасный человек: теперь захочется думать, будто починить можно всё. Кассиан улыбнулся и занялся едой. Обсуждать, что починить не получится, ему сейчас совершенно не хотелось.

Крупа разварилась, консервы оказались солёными, но горячая еда ощущалась роскошью. Кассиан ел медленно. С теплом в желудке возвращалась усталость, которую до этого держала ходьба. Мужчина не расспрашивал, кого он ищет и почему один. После еды показал комнату с матрасами. Кассиан собирался поспать пару часов, а проснулся почти через восемь, уже от голосов за стеной.

Сначала он лежал, не открывая глаз. Кто-то смеялся, кто-то передвигал коробку; звуки складывались в обычное начало дня, и ему хотелось немного побыть внутри этого ощущения. Потом пришлось сесть. После долгого сна плечо ныло сильнее, пятки горели, мышцы ног плохо слушались. Он выпил воды и вышел в зал.

Там было пятеро. Мужчина сидел на стуле, положив больную ногу на ящик. Женщина возилась с ремнём большой сумки; у стены двое разбирали коробки, ещё один человек осматривал прибор, назначения которого Кассиан не понял. Женщина посмотрела на него и спросила по имени. Он замер, а она кивнула на мужчину: тот сказал. Кассиан выдохнул и подошёл к сумке.

Ремень разошёлся у крепления. Женщина хотела снова отправиться в проходы после еды и сердито подёргивала пряжку, словно та виновата в задержке. Кассиан укрепил место разрыва, дал ей проверить. Она нагрузила сумку двумя коробками, подняла, осталась довольна и ушла собирать остальное. Через десять минут выяснилось, что один ящик не закрывается. Потом зашаталась ножка стола, ещё кому-то понадобилось передвинуть тяжёлую секцию. Кассиан несколько раз вспоминал, что собирался уходить после завтрака, но каждый раз новая работа уже оказывалась у него в руках.

Дверь в соседний зал он обещал посмотреть быстро. У неё повело коробку, пришлось снять наличник, найти инструмент, подогнать дерево. Пока Кассиан работал, ему принесли чай и поставили на перевёрнутый ящик. Он сделал несколько глотков, не отвлекаясь от петли. Только позже заметил, что напиток давно остыл. Дверь наконец закрылась одним движением. Кассиан отступил, открыл её, снова закрыл. Удовольствие было полным и понятным. Он сделал хорошо то, что умел делать; рядом можно было жить чуть удобнее.

На следующий день он остался. Или на тот, который стал следующим по счёту сна и еды: окон в зале не было, а люди ложились и поднимались в разное время. Кто-то уходил в проходы, приносил воду и продукты, возвращался с новой доской или незнакомой вещью. Иногда спорили о том, в какой стороне светлее и где можно устроиться просторнее. Единой карты ни у кого не получалось. Кассиан всё реже расспрашивал о дорогах – работа занимала время раньше, чем он вспоминал о вопросах.

У тележки слетело колесо. В соседнем помещении подтекал кран. Нужно было укрепить полку, подточить рейку, перенести доски, заменить крепление на ручке кастрюли. Люди делали многое сами. Один лучше Кассиана разбирался в металле и однажды отодвинул его от погнутой детали, которую тот собирался выпрямлять не с той стороны. Женщина с сумкой не любила ждать и, пока он возился с замком, уже унесла часть вещей другим путём. Возле стеллажа долго спорили о высоте полки: Кассиан предложил удобную, как ему казалось, середину, но невысокая женщина попросила опустить ниже. Он переставил.

Его помощь принимали охотно. Сначала Кассиан всякий раз прикидывал, сколько времени потребуется, потом перестал. Одна работа переходила в другую. Пока остальные ели, он шлифовал край рамы; ему приносили тарелку, и он благодарил, не поднимая головы. Иногда вдруг казалось, что он живёт здесь давно. Телефон показывал всего несколько суток после третьей двери, если его часам ещё можно доверять. Заряд уходил даже без постоянных проверок. Кассиан выключил аппарат совсем.

Сайа вернулась в мысли, когда экран погас. Он стоял у длинного стола, проводил наждачной бумагой вдоль доски и вдруг вспомнил, сколько дней не звал её. Ту, с которой попрощался перед дверями. Затем пришла другая память – скамья возле воды и женщина, которой он не смог пообещать возвращение. Кассиан остановил руку. Он по-прежнему не знал, кого встретил в зале с колоннами, однако здесь сумел несколько дней не думать об этом совсем.

Вокруг стучали инструменты, передвигали коробки, пахло едой. Нужно было уходить. Решение принесло облегчение; Кассиан положил наждачную бумагу, взял сумку у матраса, проверил воду. Женщина заметила сборы и спросила, далеко ли он собрался. Он сказал, что не знает. Она кивнула, затем попросила перед уходом взглянуть на одну вещь. Это был другой стол, у которого расходилась ножка. Кассиан согласился. Рядом оказался стул с ослабшим соединением, и его он перевернул уже сам.

– Ты же уходил, – напомнила женщина.

– Сейчас.

Стул занял ещё четверть часа. У выхода Кассиан встретил мужчину, который теперь уже ходил, осторожно перенося вес на травмированную ногу. Тот спросил, нашёл ли он куда идти. Услышав, что нет, хотел уточнить зачем, но вместо этого предупредил об обвале за третьим

поворотом. Кассиан поблагодарил. Обвал действительно оказался там. Он протиснулся через щель, прошёл ещё метров сто и услышал сзади металлический грохот, затем крик.

Вернулся быстро. В одном из залов рухнула секция стеллажа; никого не придавило, только коробки рассыпались, а две полки сломались. Люди уже поднимали вещи. Кассиан снял сумку и подошёл. Стеллаж, собранный без него, не выдержал боковой нагрузки. Он показал, как переставить соединения, затем сам взял инструмент. Работа затянулась на несколько часов. Когда закончили, опять хотелось горячей еды и сна. Кассиан остался ещё на ночь, потом на день.

Постепенно он стал знать, где у крана падает напор, какая дверь после сырости снова цепляет пол, кто берёт на себя тяжёлые коробки и потом жалуется на спину. Знал, кто умеет удержать деталь неподвижно, а кто непременно перетянет винт. За ужином разговоры редко касались Лабиринта. Люди рассказывали, что нашли, ругались из-за пропавших вещей, спорили, кому идти за водой. Мужчина всё ещё хотел найти свою прежнюю комнату с окном и однажды вернулся сердитым после нескольких часов поисков. Кассиан подвинул ему тарелку; тот поел и долго молчал, щадя опухшую ногу.

Вопрос о том, откуда появились эти люди, отступил. У каждого были свои неудобства и занятия, до которых Кассиан не имел отношения. Однако сам он работал всё больше. Поломки замечались раньше просьб. Однажды утром он увидел трещину в ножке стола и укрепил её до завтрака. Никто не заметил. Кассиан сидел за отремонтированным столом, ел и вдруг почувствовал обиду. Он сам выбрал работу, о которой никто не знал, а теперь ждал, чтобы её увидели. Ложка на несколько секунд застыла в руке. Затем он доел, убрал посуду и пошёл заниматься следующим ящиком.

Через день женщина принесла ему кружку и сказала, что хорошо, когда он здесь. Перед этим Кассиан починил крышку ящика, которая всё время падала на пальцы. Он улыбнулся и поблагодарил. Фраза возвращалась весь вечер. В ней было человеческое тепло, от которого не хотелось отказываться. Но наутро он уже торопился заслужить его снова: взялся за работу, которую мог сделать другой, затем за вторую. Когда ему предложили отдохнуть, ответил, что не устал.

Руки дрожали. Ночью плечо болело так, что он несколько раз просыпался, а утром встал раньше остальных. Стоило закончить одно, находилось следующее: острый край, ненадёжная петля, плохо закреплённая полка. Вещи не ломались у него на глазах. Они давно были такими, и теперь Кассиан видел их повсюду. Его звали всё короче: посмотреть, помочь, поддержать. Иногда начинали с «если не занят». Он почти всегда был занят и соглашался всё равно.

За ужином мужчина с травмированной ногой спросил, остаётся ли Кассиан теперь насовсем. Нужно было понять, как расставлять матрасы: кто-то собирался принести ещё один. Кассиан поднял глаза. Он не считал себя оставшимся. Просто каждый день оказывался заполнен, а вечером уже не хотелось уходить.

– Ты ведь куда-то шёл, когда пришёл сюда, – напомнил мужчина.

Кассиан посмотрел на стол, на полки, на дверь, которую теперь можно было закрыть пальцем. Сказал, что шёл дальше, но пока не знает, что делать. Мужчина кивнул и попросил сказать про матрас, когда Кассиан определится. Разговор закончился обычной просьбой, а Кассиан ещё долго сидел, чувствуя, насколько основательно успел обустроить задержку, которой не давал имени.

Ночью он включил телефон. Заряда было мало; яркий экран резал глаза. Последней заметкой оставались строки про маршруты, выбранные по предположению о Сайе, и осторожное «Выборка слишком мала». Выше – «Начало. Две царапины». Кассиан вспомнил стену, холодный пол, часы ожидания. Всё это отодвинулось, пока каждый день давал ему достаточно дел, чтобы ни на минуту не оставаться без ясной необходимости. Он выключил телефон, но заснул нескоро.

До завтрака Кассиан ничего не починил. Криво висела дверца шкафа, один ящик закрывался с усилием. В другом конце зала кто-то долго щёлкал пряжкой. Он слышал, видел и продолжал есть. Мужчина напротив спросил, не заболел ли он. Кассиан ответил, что нет. Тогда тот показал ложкой на шкаф:

– Ты десять минут смотришь на петлю. Я уже думал, у тебя с неё глаз не снимается.

Несколько человек засмеялись. Кассиан тоже. После завтрака он вышел без сумки в коридор, прошёл несколько десятков метров и сел у стены. Никто не позвал. Почти сразу захотелось вернуться. Там могли перетянуть винт, неудобно поставить полку, потратить полчаса на работу, которую он сделал бы за пять минут. А могли справиться без него, и именно эту возможность Кассиану труднее всего было спокойно переждать.

Он смотрел на руки. Порезы, грязь под ногтями, огрубевшая кожа – всё это осталось от настоящей работы, которая облегчила людям жизнь. Ему нравилось делать её хорошо. Отказываться от этого удовольствия, чтобы доказать себе способность уйти, тоже не хотелось. Но сейчас без работы он сидел у стены и чувствовал пустоту. Прежде у него бывали собственные желания, маленькие и большие; он помнил их, знал, что они не исчезли навсегда. В последние дни ни до одного не доходило дело. Он успевал захотеть быть нужным раньше, чем услышать что-нибудь ещё.

Можно было отправиться искать выход. Можно снова искать Сайу, не воображая за неё каждый поворот. Можно ещё отдохнуть: вода и еда были, никто не находился в опасности. Кассиан некоторое время перебирал эти возможности и ни к одной не чувствовал той немедленной тяги, которую вызывала сломанная вещь. Это испугало. Он посидел ещё, дождался, пока тревога перестанет поднимать его с места, затем вернулся в зал.

Дверца шкафа оставалась кривой. Кассиан прошёл мимо и начал собирать сумку. Часть мелкого инструмента за эти дни уже оказалась среди его вещей; он вынул отвёртку и несколько креплений, отнёс к общему ящику. Мужчина разрешил оставить запасную отвёртку и короткую металлическую пластину. Кассиан поблагодарил, убрал их обратно. Проверил воду, разложил оставшуюся еду так, чтобы не раздавить её одеждой.

– Опять уходишь? – спросил мужчина.

– Опять.

Тот посмотрел на сумку, потом на оставленный в стороне инструмент и усмехнулся. Кассиан сказал, что матрас можно освободить. От этих обычных слов решение стало ощутимее. Никто не стал просить его задержаться. Это одновременно облегчило уход и разочаровало: какая-то часть его всё ещё ждала последней поломки, которая позволила бы остаться без собственного выбора.

У выхода женщина окликнула его. Кассиан обернулся, уже собираясь поставить сумку, но она сказала только спасибо. Он кивнул и ответил. Потом вышел в коридор. За спиной продолжали говорить, передвигать вещи, жить в помещении, к которому он успел привыкнуть.

Примерно через сто метров попала перекошенная дверь. Кассиан остановился, провёл пальцем по верхнему креплению. Петля разболталась; поправить её можно было минут за десять, инструмент теперь лежал в сумке. Он постоял, чувствуя, как знакомо складывается следующая четверть часа. Затем открыл дверь. Полотно задело пол, но пропустило его и осталось чуть приоткрытым. Кассиан убрал руку, прошёл к повороту и ещё несколько шагов слышал слабый скрип за спиной. Ему хотелось вернуться. Он продолжил идти, пока не зная, чем займётся, когда этот звук стихнет.

Глава 5. Человек у окна

Скрип перекошенной двери ещё долго чудился за спиной. Кассиан шёл по пустому коридору и время от времени касался ремня сумки, под которым лежали инструменты. Там, в зале, сейчас завтракали, переставляли вещи, о чём-то спорили; можно было вернуться и без всякого объяснения сесть за стол. От этого дорога вперёд казалась особенно тихой. Он присматривался к петлям встречных дверей, замечал тёмные следы под кранами, но ручки поворачивались свободно, вода не текла на пол. Постепенно он перестал искать себе занятие на ходу. Болело плечо, и к вечеру хотелось уже одного: снять сумку и лечь.

В маленькой комнате нашлись матрас, вода и овсяные хлопья. Кассиан сварил их в металлической кружке; часть пристала ко дну, и он долго отскребал её ложкой, сидя прямо на полу. Потом заснул, не убрав посуду. Проснулся оттого, что затекла рука, перевернулся и ещё некоторое время лежал с открытыми глазами. За стеной никто не двигал ящиков. Можно было спать дальше. Он попробовал, однако сон ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.